

В. А. Конев¹

ГЛОБУС СОЦИАЛЬНОСТИ И ЛОКУС СОВМЕСТНОСТИ

Мандельштам когда-то написал стихотворение:

В спокойных пригородах снег
Стребают дворники лопатами,
Я с мужиками боролатыми
Иду, прохожий человек.

Мелькают женщины в платках,
И твякают дворняжки шалые,
И самоваров розы алые
Горят в трактирах и домах.

Прохожий человек и все его окружение: дворники, боролатые мужики, женщины в платках, люди в домах и трактирах у самоваров — это мир локальной совместности. Это мир конкретного социального и культурного мира, это не глобальность социального, а локальность совместности, локальность сообщества.

Сообщество обладает особым бытийным статусом, отличающим его от бытия социального. Сообщество локально, а социальное — глобально, сообщество укоренено в культуре, а социальное — в цивилизации. Но, несмотря на различие, эти две формы организации общественного человеческого бытия необходимо связаны друг с другом. Именно их связь дает жизнь социальности и истории.

Социальное, или социетальное, то, что Теннис называл *Gesellschaft*, бытийствует как отношения между людьми, опосредованные вещами и институтами. Это отношения принудительные, они существуют как внешние силы для вступающих в них индивидов, и эта их отчужденность от индивидов представлена как вещная среда, как учреждения, общественный порядок и тому подобное, короче, как некие объективные и формальные требования. Именно на базе подобных отношений складывается

ся тот современный мир, который получает глобальное распространение. Глобализация охватывает социетальные и цивилизационные формы организации жизни людей, оставляя незатронутыми совместность жизни в форме сообщества, того, что Теннис обозначал как *Gemeinschaft*. А между тем именно в сообществе, в среде *Gemeinschaft* проходит конкретная жизнь людей.

Любой социальный институт, любое учреждение, любая группа — это предъявленное требование. И как бы ни складывались социетальные образования — на базе ли экономических факторов или на основе идейных установок, по трафаретам или привычкам, какими бы они ни были по содержанию, назначению и функциям, но для того чтобы они стали реальным фактом, нужна энергия человеческого действия. Социетальные формирования и общество, толкуемое как социальный организм или как функционирующая система, это тела, склеенные, слепленные, соединенные «мертвой водой» социологического интеллекта, представленного идеологией, как в русских народных сказках соединяют разрубленное на части тело богатыря, побрызгав его мертвой водой. Но чтобы богатырь ожил, его еще надо окропить живой водой. Так и социальные структуры требуют для своего реального действия «живой воды» — живой крови и действующего тела человека. Может быть, эта потребность в животворящей крови, питающей холодные, бесчувственные социетальные тела, и символизировали человеческие жертвы в древних обществах, а потом «плоть и кровь» Христова Тайной вечери, или подпись кровью под клятвами на верность, а также реальная кровь миллионов, пролитая в войнах за торжество какого-то социального монстра.

Так и современная миросистема, соединяющая воедино страны, континенты и людей посредством глобальных транспортных связей, Всемирной паутины, всемирного рынка, где перемещаются товары, капиталы, информация, рабочая сила, представляет огромное тело нового Левиафана, которое требует для своего функционирования живой энергии, воли и мысли реально действующего конкретного человека. И эта «живая вода», приводящая в действие жернова социального, достается глобальному социальному Молоху — либо принудительно,

¹ Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 200 научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Философия образования. Культурантропологический аспект», «Социальное бытие искусства», «Онтология культуры», «Человек в мире культуры», «Критика способности быть», «Трансцендентальный эмпиризм Ж. Делеза», «Знак: игра и сущность», «Онтологические особенности мира человека», «Социальная философия», «Критика опыта сознания» и др.

когда одни индивиды принуждают других к нужным действиям, дисциплинируя поведение через непосредственное или виртуальное приложение силы *ad homini*, непосредственно к человеческому телу, либо через внушенные установки, социальные ожидания и представления, вырастающие в так называемой повседневности, что также принуждает человека к действию. И в том, и в другом случае появляется реальное поступание, оживляющее социальное отношение и порождающее запрограммированный в нем результат. «Живая вода» для оживления социального как возможности глобального — это реальный социетально вынужденный поступок индивида, отдающего свою жизненную силу социальным институтам. Но социальные формы действия, утверждаемые в процессе глобализации, восходят, как правило, к культуре западноевропейской и североамериканской, а вынуждаемое этой культурой поведение может приходиться в конфликт с укорененностью индивида в ином сообществе, с иными традициями и ценностями культуры, что и становится потенциальным основанием антиглобалистских настроений и движений.

Нужно такое оживление возникающих глобальных социетальных структур, которое бы опиралось на силу той совместности и на то сообщество, которое жизненно значимо для действующих индивидов. В этом случае должны гармонизироваться культура локального сообщества и культурные истоки утверждающихся глобальных форм социальности. Здесь-то и становится жизненно необходимым для развития социальности диалог культур.

Но такой диалог осуществляют не культуры как таковые, а реальные их представители, конституирующие особые социальные группы — группы презентации.

Классы, страты, нации, потребители, горожане, профессиональные группы, чиновники, партии, коллекционеры, болельщики и тому подобные — это все социальные группы, которые заполняют арену, представляющую пространство общественной жизни. Здесь действуют номинальные силы. Мы не видим класс буржуазии, пролетариат или средний класс. Мы их знаем, так как называем, именуем эти классы особыми терминами. А когда возникает необходимость верифицировать подобные термины, мы обращаемся к реальным, а не номинальным группам — аристократию представит салон мадам Шерер, пролетариев увидим на каком-нибудь заводе или первомайской демонстрации, болельщиков на стадионе во время матча и т. д. Любая номинальная группа являет себя через группу презентации, которая в конкретном месте и в конкретное время объединяет совершенно конкретное количество людей, совершающих наблюдаемые определенные действия, ожидаемые от номинальной группы.

Отличие группы презентации как сообщества от социетального единства номинальных групп заключается в ее герменевтическом единстве. В группе презентации осуществляется реальный обмен сообщениями, которые так или иначе представляют

интересы входящих в группу индивидов. А интерес предьявляется индивиду как реально испытываемая им зависимость от других индивидов или конкретной ситуации. Обмен сообщениями между индивидами, имеющими сходные ситуации зависимости, создает герменевтическое поле, конституирующее реальное сообщество, а оно в свою очередь наполняет жизненной (бытийной) силой номинальную социальную группу. Группа презентации как реальное соединение людей в определенном месте и пространстве способна к воспроизведению себя во времени на основе «живой» памяти и повседневных предоставлений. Интеграция индивида в группу презентации становится символическим актом идентификации с номинально социальной группой.

В условиях экономической и социальной интеграции национальных экономик и сфер общественной и политической жизни различных стран формирование таких социальных групп, которые могли бы представлять своими реальными действиями процесс включения данного общества и его структур в мировую систему, является основанием гармонизации требований универсальных цивилизационных процессов и локальных культур. Примером этого может служить сочетание вестернизации и национальных культурных традиций и ценностей в Японии и Китае. Свидетелями этого выступают группы, сформировавшиеся в сферах утверждения значимых для современной миросистемы деятельности (наука, информация, инновации). О животворящей, социально продуктивной силе свидетельства писал Поль Рикер: «Свидетель, заслуживающий доверия, — тот, кто по прошествии времени может повторить свое свидетельство. Это постоянство роднит свидетельство с обещанием, а точнее — с обещанием, предваряющим любое обещание: с обещанием его сдержать, сдержать слово. Таким образом, свидетельство примыкает к обещанию среди тех актов дискурса, которые определяют идентичность (*ipseite*) в ее отличии от простой самоидентичности...» [1, с. 229].

Но подлинная сила социального не в его социетальных реализациях, а в его совпадении с сообществом. «Чистое» сообщество, представляющее реальную совместность людей, отличается от сообщества группы презентации тем, что оно возникает на своем собственном основании, а не на каких-либо социетальных зависимостях. Эта та действительность человеческого мира, которую Теннис обозначал как *Gemeinschaft* и которую в русской традиции обозначали как *соборность*. Именно о таком состоянии мира говорит стихотворение Мандельштама — все в единстве, в собранности, в гармонии, которая не вытекает не из каких социетальных связей, а существует конкретно, как некий общий космос людей и вещей здесь и сейчас. Воспринимаемый и переживаемый «прохожим человеком» Мандельштама общий со всеми космос, с дворниками, сгребающими снег, с мужиками бородатыми, с женщинами в платках, твякающими дворняжками и всем, что есть сейчас вокруг, несет в себе особый опыт — опыт со-

местности. Он самоценен, он не отсылает к каким-нибудь социетальным феноменам, а открывает индивиду его общественную природу, его неотзывную принадлежность миру и принадлежность этого мира ему самому.

Опыт сообщества открывает индивиду сферу бытия-вместе. Ж.-Л. Нанси в предисловии к русскому изданию своей книги «Непроизводимое общество» указывает на следующие онтологические принципы бытия-совместно: «1) не существует общей субстанции (крови, земли или мистического тела); 2) существует со-бытие, конститутивное для всякого бытия-отдельно, и мысль об изолированном *ego* лишена смысла; 3) коммуникация в бытии-вместе — это не информационный процесс и не процесс слияния, а парадокс прерывания в самих отношениях или отсутствии коммуникации в самой коммуникации» [2, с. 17]. Нет для сообщества общей субстанции — нет опоры в социетальном. Со-бытие конститутивно для всякого бытия-отдельно — каждое бытие-отдельно утверждает общий смысл. И особенно важно то, что коммуникация в сообществе не является информационным процессом, как это происходит в сообществах, презентующих номинальные группы, каждый в бытии-вместе понимает и принимает само совместное как данное, ибо, как отмечал Рикер, всякая герменевтика — это понимание самого себя через понимание другого. Чистое сообщество герменевтично не потому, что в нем происходит обмен сообщениями, выражающими некие смыслы, а потому, что оно порождает смыслы, организует событие смысла, которое и конституирует совместность. Именно в этом и скрыта его созидательная, оживляющая социальность сила.

Если речь идет о цивилизации, становящейся глобальной и охватывающей все человечество, а человечество состоит из народов, стран и культур, то совершенно ясно, что человечество не может лишиться этого разнообразия в процессе глобальной цивилизационной унификации многих сфер жизни и деятельности. Сохранение разнообразия человечества в условиях глобализации является такой же жизненной задачей, как сохранение разнообразия живой природы в условиях технического напора на естественный мир. Сохранение живой природы — дело утверждения экологического мышления, признающего ценность всего живого и вписывающего человека в экосистему планеты. А сохранение разнообразия человечества — дело утверждения нового культурного самосознания, признающего ценность всех культур и вписывающего человека определенной культуры в поле культурного взаимодействия.

Вероятно, можно выделить два типа свершающего опыта совместности, который реализуется в сообществе.

Первый предстает в форме сообщества как экзистенциального единения. Он формируется на базе культурного единства. Пример тому — ситуация, описанная Л. Толстым, когда Наташа Ростова танцует барыню у дядюшки в деревне: «Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, ко-

торым она дышала, — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, — этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые *pas de châte* давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка. Как только она стала, улыбнулась торжественно, гордо и хитровесело, первый страх, который охватил было Николая и всех присутствующих, страх, что она не то делает, прошел, и они уже любовались ею. Она сделала то самое и так точно, так вполне точно это сделала, что Анисья Федоровна, которая тотчас подала ей необходимый для ее дела платок, сквозь смех проследилась, глядя на эту тоненькую, грациозную, такую чужую ей, в шелку и в бархате воспитанную графиню, которая умела понять все то, что было и в Анисье, и в отце Анисьи, и в тетке, и в матери, и во всяком русском человеке».

Экзистенциальное единение возникает как общение без слов, как состояние длящегося понимания. Хотя экзистенциальные сообщества ситуативны, временны, часто просто мимолетны, являются отдельными вкраплениями в повседневность, но именно эти гомеопатические дозы общности прививают человеку опыт социальности, без которого не может существовать ничто в социуме, в социальном пространстве.

Второй тип «чистого» сообщества — сообщество под знаком символа, или сообщество символа. В этом случае пространство сообщества становится местом рождения нового опыта социального, а члены сообщества — центрами кристаллизации общественно значимых феноменов. Основой сообщества может выступить конкретный индивид или группа индивидов, выдвигающих какую-то идею, вокруг которой спланиваются его сторонники. Так зародилось христианство, коммунистическое движение, новые направления в искусстве и т. п.

Следует отметить одну онтологическую антиномию сообщества. Герменевтическое по своей природе сообщество строится на личностных отношениях, ибо свободное усилие, рождающее сообщество, может быть проявлением личности, а не функционера. А личность — неделимое бытие-в-отдельности, по своей онтологической природе она самодостаточная монада. Как могут монады, самодостаточные единичности, составлять сообщество? Как могут неделимые атомы разделять свое бытие с другими? Разрешая эту антиномию, Ж.-Л. Нанси вспоминает Эпикура. «Впрочем, — пишет он, — мир и не создан из простых атомов. Необходимы еще и отклонения (*clinamen*). Существуют наклонения и склонения друг в сторону друга, друг из-за друга или друг к другу. Сообщество, по крайней мере, — это отклонение “индивида”» [2, с. 27]. Нанси считает, что существование сообществ свидетельствует, что нет «атомарного абсолютизма», так как из абсолютов нельзя составлять связи. «Связь (или сообщество), когда оно существует, — утверждает он, — представляет собой нечто, что в принципе разрушает автаркию имманентности в ее закрытости или пределе» [Там

же, с. 28]. Но тогда сообщество должно разрушать личность, а тем самым разрушать и основание своего существования как источника живой силы социальности. Поэтому, не отказываясь от значимости *сипатен* для вхождения человека в сообщество, думаю, следует вспомнить еще один философский принцип, объясняющий единение абсолютов — предустановленную гармонию Лейбница. *Гармония* не сковывает, не ставит в ряд, не требует отказа от своего звучания, она возникает, когда ты слышишь других сквозь свой собственный голос. *Предустановленная* гармония добавляет к гармонии понимание, что гармония устанавливается тогда, когда именно твой голос подбирает звучащее окружение. Сообщество порождается не видом деятельности, а особым положением человека в отношении к окружению. Положением предустановленной гармонии, сознательным выбором своего окружения. «Выбор своего сознательного выбора» [См.: 3] порождает предустановленную гармонию, так как, совершив свой выбор и постоянно его подтверждая («выбирая свой выбор»), индивид тем самым утверждает космос своего бытия. Отвечает за его порядок и гармонию. Х. Арендт писала о подобной ситуации: «Спасительное средство против необозримости — а тем самым против хаотической недостоверности всего будущего — заложено в способности давать и сдерживать обещание» [4, с. 314].

Для установления гармонии различных культур в условиях глобализации, для рождения именно *предустановленной самим человеком* гармонии не-

обходимо сознательное формирование такого опыта социальности (совместности), который строится на умении услышать голос другой культуры как созвучный голосу твоей культуры. Новое культурное самосознание, необходимо укрепляющееся в условиях глобализации, видит в иной культуре не границу своей культуры, а возможность выделения в ней новых смыслов, новых интонаций. Экология культуры, о которой писал Д. С. Лихачев, как раз и предполагает способность культуры сохранять свою жизненность в условиях внедрения в нее элементов иных культур. Увидеть в жизни своей культуры моменты предустановленной гармонии культур, ибо все культуры имеют одну интенцию — развитие способности человека утверждать человеческий мир, а значит, реализовать эту гармонию. Диалог культур в этом случае становится частным случаем раскрытия этой предустановленной гармонии культур.

Литература

1. *Рикер П.* Память, история, забвение : пер. И. И. Блауберг [и др.] / П. Рикер. — М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2004.
2. *Нанси Ж.-Л.* Непроизводимое сообщество / Ж.-Л. Нанси. — М., 2009.
3. *Сафронов П.* Философия сообщества [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://txt.runiver.org/blog/2010/03/19/community1/>
4. *Арендт Х.* *Vita activa*, или О деятельной жизни : пер. с нем. и англ. В. В. Библихина / Х. Арендт. — СПб. : Алетейя, 2000.